

Персидская Ольга Алексеевна, Евдокимов Алексей Игоревич

РАЗНЫЕ ВИДЫ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СИБИРИ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ВЫВОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается проблема определения иерархии разных видов социальной идентичности в массовом сознании этнических групп Сибири. Проанализирована специфика таких видов социальной идентичности, как национальная, этническая, макрорегиональная, регионально-территориальная и локальная. На основании сопоставления результатов двух социологических исследований, проведенных сотрудниками Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук и Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова в пяти регионах Сибири, сделан вывод о преобладании у представителей обследованных этнических групп гражданской идентичности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/10/36.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(72) С. 137-141. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
6. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.
7. Uslaner E. M. The Moral Foundations of Trust. Cambridge University Press, 2002. 312 p.
8. Uslaner E. M. Trust as a Moral Value // Handbook of Social Capital / ed. by Dario Castiglione, Jan W. van Deth, Guglielmo Wolleb. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 101-121.
9. Uslaner E. M. Trust as an Alternative to Risk // Public Choice. 2013. Vol. 157. Issue 3. P. 629-639.

“MORALISTIC TRUST” IN ERIC M. USLANER’S CONCEPTION

Perov Vadim Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Tazenkova Polina Aleksandrovna
Saint Petersburg University
vadimperov@gmail.com; polina.tazenkova@gmail.com

The article examines the concept of trust in works by the American researcher Eric M. Uslaner. Special attention is paid to analyzing “moralistic” trust, which comes out as a basic element of social life promoting more efficient solution of the collective action problems. The paper shows how Uslaner correlates trust with the political structure of the society and how he interprets interrelation between the trust level in the society and economic inequality.

Key words and phrases: E. M. Uslaner; trust as a value; moralistic trust; social interaction; economic inequality; collective action.

УДК 130.2; 316.7

Философские науки

В статье рассматривается проблема определения иерархии разных видов социальной идентичности в массовом сознании этнических групп Сибири. Проанализирована специфика таких видов социальной идентичности, как национальная, этническая, макрорегиональная, регионально-территориальная и локальная. На основании сопоставления результатов двух социологических исследований, проведенных сотрудниками Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук и Хакасского государственного университета имени Н. Ф. Катанова в пяти регионах Сибири, сделан вывод о преобладании у представителей обследованных этнических групп гражданской идентичности.

Ключевые слова и фразы: идентичность; этническая идентичность; гражданская идентичность; этнос; Сибирь; массовый социологический опрос.

Персидская Ольга Алексеевна

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
olga_alekseevna@mail.ru

Евдокимов Алексей Игоревич

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
aievdokimov@gmail.com

РАЗНЫЕ ВИДЫ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СИБИРИ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ ВЫВОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В результате многомерных процессов, связанных с распадом Советского Союза, последовавшей за этим потерей общей «советской» идентичности и заменой ее на российскую гражданскую идентичность, разнообразные этнические группы, населявшие территорию нового независимого государства Российская Федерация, были вынуждены заново определять свое место как на политической карте страны, так и в ее социокультурном пространстве. Появились новые административно-территориальные образования, а вместе с ними и новые границы, детерминирующие социальные отношения между ними. Усиление влияния унифицирующих глобализационных процессов привело к всплеску этничности, выраженному в акцентировании в массовом сознании народов России этнической идентичности. Сложный комплекс различных идентичностей личности заставляет социальных исследователей постоянно искать ответ на вопросы «Откуда мы?», «Кто мы?», «Куда мы идем?».

Под социальной идентичностью часто имеют в виду соотношение личности с группой и осознание сопричастности с ней. Социальная идентичность является результатом процесса социальной категоризации, который позволяет личности организовывать информацию об окружающем мире. Процесс категоризации направлен на заострение различий между категориями и их смягчение между элементами внутри одной категории. В случае категоризации в одну социальную группу ее члены стремятся сохранять позитивную социальную идентичность [10]. Идентификация как процесс соотнесения себя с группой и идентичность как результат этого процесса являются необходимыми составляющими социальности человека: так он конструирует свое «я» и встраивается в социум. Осознание личностью своей социальной идентичности обязательно

проходит через обращение к себе как к наследнику и носителю определенных черт характера, традиций, ценностей, особенностей культурно-исторического развития той или иной социальной группы. Социальная идентичность не только позволяет личности определить свою принадлежность к группе, но и делает ясными отличия группы «своих» от «чужих». Становление социальной идентичности формирует у личности восприятие себя в составе целого и отражается в особенностях мироощущения, мировоззрения, эмоционального склада, поведения, специфике коммуникативных актов [4, с. 193].

Сложный конструкт, который представляют собой разные виды социальных идентичностей личности, отражает ее принадлежность к разным социальным группам. Структура системы социальных идентичностей личности многомерна, и в фокусе данного исследования находятся лишь некоторые ее компоненты: национальная, или государственно-гражданская, идентичность, этническая идентичность, макрорегиональная идентичность, выраженная «сибирским» измерением, регионально-территориальная и локальная идентичности. Разнообразие перечисленных видов идентичности и специфика их выраженности в сознании носителей может стать как основанием для гармоничных взаимоотношений между людьми, так и причиной противоречий и конфликтов между представителями разных государств, народов, регионов, населенных пунктов. Согласимся с О. А. Богатовой в том, что «одна из актуальных проблем современного российского общества, как и других полиэтничных и мультикультурных сообществ, заключается в интеграции различных в этническом и культурном отношении социальных групп при сохранении существующего этнокультурного многообразия и гарантий как коллективных, так и личных культурных и социальных прав» [5, с. 110].

Каждый из перечисленных видов идентичности, прежде всего, имеет отношение к общей территории проживания социальной группы, будь эта территория вписана в границы целой страны или муниципального образования. Однако, помимо территории, каждый из видов идентичности несет свою уникальную специфику. Так, национальная, или государственно-гражданская, идентичность является фактором, консолидирующим массовое сознание вокруг интересов страны, поэтому высокая степень выраженности данного компонента является залогом политической и духовной консолидации и единства национальной общности [13, с. 282].

Часто исследователи подчеркивают важность этнической идентичности для формирования систем внутренней культуры и ценностных ориентиров личности этнофора: «выступая как особый род бытия, этническая идентичность помещает индивида в определенную систему координат, позволяет реализовать себя в своем отношении к бытию как таковому. Она помогает человеку соединиться с другими людьми и избежать одиночества. И в этом единении он может открыть для себя ответы на ряд важнейших вопросов его жизни, в том числе и мировоззренческого характера: вопросы выбора смысла жизни, выяснение своих отношений с иным, самообретения своей целостной личности» [11, с. 88]. В то же время следует отметить, что этническая идентичность прочно связана с психикой человека. Работающий на подсознательном уровне кодификатор мгновенно реагирует на иной оттенок кожи, разрез глаз или акцент, тут же присваивая носителю этнических признаков разряд «свой» или «чужой». Поэтому именно этническая идентификация (как правило, не актуализированная в условиях стабильной этнокультурной ситуации) сразу же выходит на первый план при повышении уровня межэтнической напряженности или межэтнических конфликтах. Также чувство этничности бывает обострено у не доминирующих общностей [7, с. 151].

Макрорегиональная идентичность, проиллюстрированная в данной статье «сибирской» идентичностью, в своей основе имеет не только общую обширную территорию Сибири. А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская отмечают, что к способам интерпретации дефиниции «сибиряки» можно отнести региональную (сибиряки – те, кто родился и долго живет в Сибири), культурно-историческую (сибиряки – коренные, местные жители Сибири), психологическую (сибиряки – особые по складу здоровья, характера и ума люди) и этническую (сибиряки – смесь нескольких этносов, среди которых русские, украинцы, татары и др.) составляющие. Важно, что сибирская компонента идентичности часто проявляется не сама по себе, а в связи-противопоставлении с федеральным центром, олицетворенным в массовом сознании в образе «Москвы»: «нарративы жителей Сибири, полученные в ходе исследования, демонстрируют важность самоидентификации “сибиряк” в контексте осознаваемых различий между европейской Россией, Москвой и “тем, что за Уралом”, – азиатской Россией и Сибирью. Эти различия касаются, прежде всего, отношения центра к сибирской территории, к способам ее освоения, которые часто описываются информантами в терминах отношений между метрополией и колониями» [3, с. 76-77].

Регионально-территориальная идентичность, выраженная в принадлежности личности к своей республике, округу или области, отражает моменты, связанные с единством территории, общими чертами социально-экономических условий жизни, некоторыми разделяемыми этнокультурными особенностями, а также элементами рефлексии о региональном политическом процессе [9, с. 100]. А. А. Алаудинов связывает данный компонент системы идентичностей с понятием «малая родина» и считает, что региональная идентичность является основой формирования местного патриотизма [2, с. 137]. В то же время региональная идентичность может быть рассмотрена как инструмент для формирования политики регионализма. Г. С. Денисова предполагает, что «регионализм формируется также и “снизу”, как стратегия территорий, направленная на защиту собственных интересов. И в этом качестве регионализм выступает необходимым условием формирования гражданского общества и федеративного порядка» [8, с. 83].

Локальная идентичность, или идентичность жителя населенного пункта (города или поселка), связана в сознании личности с наименьшей по площади среди рассматриваемых территорией. Возможно, так как территория населенного пункта является относительно небольшой, а значит, поддающейся преобразованию, именно с локальной идентичностью часто связаны желания что-то изменить, улучшить, облагородить, то есть сделать еще более «своим». Данный тезис подтверждает И. О. Вендина: «городская идентичность

интерпретируется как осознание личной ответственности за судьбы города и становится способом солидаризации городского сообщества в решении общих проблем совместной жизни, обустройства городской среды, экологии, охраны наследия, социальной справедливости» [6, с. 30].

Эмпирическим материалом для анализа выраженности разных видов идентичности в сознании этнических групп Сибири послужили два массовых социологических опроса, проведенных независимо друг от друга. Первый опрос был осуществлен сотрудниками Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова под руководством д. филос. н., проф. Л. В. Анжигановой и к. филос. н. Ю. М. Аксютин. Всего было опрошено 1000 чел., из них: в Республике Алтай – 190 чел. (г. Горно-Алтайск), в Республике Тыва (г. Кызыл, Каа-Хемский, Кызылский, Пий-Хемский кожууны) – 290 чел., в Республике Хакасия – 520 чел. (все города и районы республики). Массовый опрос взрослого населения из разных половозрастных, социально-профессиональных и этнических групп проходил с июля по сентябрь 2015 г. Характер выборки социологического опроса – целевая, непропорциональная, стратифицированная. Второй опрос провели сотрудники сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН под руководством д. филос. н., проф. Ю. В. Попкова и к. филос. н. Е. А. Ерохиной [12]. Всего было опрошено 1 431 чел., из них: в Республике Алтай – 416 чел. (г. Горно-Алтайск, Майминский, Чемальский, Шебалинский, Кош-Агачский районы); в Ханты-Мансийском автономном округе – 442 чел. (г. Сургут, г. Ханты-Мансийск, г. Лангепас, Сургутский район); в Новосибирской области – 573 чел. (г. Новосибирск, Кольванский, Чановский районы). Массовый опрос взрослого населения из разных половозрастных, социально-профессиональных и этнических групп проходил с апреля по октябрь 2014 г. Выборка социологического опроса также является целевой, непропорциональной, стратифицированной. Взаимный профессиональный интерес авторов статьи к исследованиям, проводимым в учреждениях друг друга, показал близость и тех, и других к теме социальной идентичности, а также методик ее исследования. Совместный анализ количественных данных опросов подтвердил схожесть общих выявленных тенденций в степени проявленности в массовом сознании этносов Сибири разных видов социальной идентичности.

Результаты опроса сотрудников Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова свидетельствуют, что русские чаще всего самоидентифицируют себя как жителей России (гражданская идентичность) – 45,5% в Республике Алтай, 44,3% в Республике Хакасия, 26,7% в Туве. Кроме того, у русских достаточно сильно выражена «сибирская» компонента идентичности (40% в Тыве, 25,5% на Алтае, 21,7% в Хакасии). Следует отметить, что в Республике Тыва идентификация себя как сибиряка выражена даже несколько сильнее, чем как гражданина.

В ответах на вопрос, какую группу людей опрошенные русские чаще всего имеют в виду, произнося слово «мы», во всех регионах лидировал ответ, имеющий отношение к гражданской идентичности: говорят «мы», подразумевая граждан Российской Федерации, 69,1% русских в Хакасии, 54,5% на Алтае и 53,3% в Тыве. Стоит дополнить, что идентификация по принципу «мы»-группы оказалась у опрошенных русских в Тыве несколько более сложной: в значительной степени «мы» для них олицетворяют не только граждане России, но и жители их населенного пункта и Республики Тыва в целом, а также люди одного с ними вероисповедания.

Для титульных этносов национальных республик ситуация несколько иная: при том, что для значительного числа опрошенных тувинцев в Тыве (30,3%) и алтайцев на Алтае (22,6%) важно ощущать себя гражданином России, у хакасов, тувинцев и алтайцев сильнее выражена республиканская (регионально-территориальная) идентичность (37,6%, 34%, 28,7% соответственно). Кроме того, произнося слово «мы», 58,6% респондентов из числа тувинцев, 47% алтайцев и 42% хакасов имеют в виду жителей одной с ними республики. Также для хакасов и алтайцев достаточно значимой оказалась собственно национальная (этническая) идентичность – актуальность ее ощущения лично для себя отметили 26,8% хакасов и 15,7% алтайцев. Также, говоря «мы», чаще всего имеют в виду граждан России 61,9% тувинцев, 57,4% алтайцев и 52,2% хакасов, что еще раз позволяет сделать заключение о важности государственно-гражданской, российской идентичности не только для русских, но и для представителей титульных этносов, проживающих в национальных республиках Российской Федерации.

Наиболее широкий и узкий радиусы идентичности, охваченные в исследовании, – локальная и космополитическая грани идентичности – были востребованы респондентами разных национальностей в относительно малой степени. Пожалуй, исключение составляют 20% опрошенных русских респондентов в Тыве, которые, прежде всего, считают себя гражданами мира.

Анализ количественных данных массового социологического опроса ИФПР СО РАН (Института философии и права СО РАН) позволяет заключить, что все рассматриваемые виды идентичности оказались для респондентов достаточно значимыми. Наиболее важной почти для всех опрошенных (особенно для русских) является государственно-гражданская идентичность, что в целом соотносится с выводами коллег из Хакасии. Актуальность данного вида идентичности для себя отметили от 81 до 93% опрошенных в трех регионах – Новосибирской области, Ханты-Мансийском автономном округе, Республике Алтай. Исключением в данном случае стали алтайцы, опрошенные в Республике Алтай, для которых на первом месте находится этническая идентичность, а на втором – регионально-территориальная. Представляется, что такое сочетание свидетельствует о наличии у алтайцев республиканского патриотизма, основой которого является их этническая принадлежность. Отметим, что к схожим выводам пришли и исследователи из Хакасского государственного университета. Интересную статистику демонстрируют данные по опрошенным на Алтае русским: мало того, что у них достаточно низкая доля обозначивших важность для себя этнической идентификации, к тому же каждый четвертый из опрошенных заявлял, что для него «ощущать себя представителем своего народа» не важно.

В Новосибирской области, этническое большинство которой составляют русские, ярко проявлена «сибирская» идентичность – она несколько ниже государственно-гражданской и близка к этнической. Возможно,

это связано с тем, что жители Новосибирской области традиционно считают именно Новосибирск столицей Сибири, оспаривая и отстаивая этот статус у других крупных городов Сибири в существующем негласно споре.

В ХМАО (Ханты-Мансийском автономном округе) наивысшие показатели макрорегиональной (сибирской) и регионально-территориальной (югорской) идентичности показали представители коренных малочисленных народов Севера, ханты и манси [14, с. 184]. У русских в ХМАО и Республике Алтай очень ярко проявлена лишь государственно-гражданская идентичность, остальные виды выражены слабее. Этническая идентичность является не важной для 23% опрошенных русских в ХМАО (напомним, близкое значение данного показателя и у опрошенных русских в Республике Алтай – 25%).

Заключая, следует отметить, что анализ данных двух массовых опросов, проведенных пусть и по близким, но все же различающимся методикам в пяти регионах Сибири, позволяет сделать вывод о достаточно сбалансированной структуре разных видов идентичности у опрошенных. При общем почти для всех этнических групп доминировании государственно-гражданской идентичности, также в достаточной степени выраженными являются и другие ее виды. Для русских (особенно в Новосибирской области и Республике Тыва) большое значение имеет макрорегиональная («сибирская») компонента идентичности. Регионально-территориальная компонента ярко выделяется в ответах представителей всех не русских этнических групп, участвовавших в опросах: алтайцев, тувинцев, хакасов, представителей коренных малочисленных народов Севера. Наконец, этническая компонента наиболее ощутимо выражена в ответах алтайцев и хакасов.

Данные последних социологических исследований демонстрируют также изменения структуры идентичности жителей регионов Сибири, которые связаны с ослаблением локальной идентичности, определяющей «чувством малой родины» и усилением государственно-гражданской. Так, еще несколько лет назад исследователи отмечали паритет между локальной и государственно-гражданской идентичностями в республиках Тыва и Хакасия. «Можно сказать, что среди жителей этих двух сибирских республик превалирует поселенческая идентификация с «малой родиной»; при этом люди, населяющие любые иные социальные пространства, вероятно, воспринимаются как «далекие» и «другие», что может потенциально порождать некие социально-культурные, социально-психологические и политические трудности взаимопонимания» [1, с. 22]. Дальнейшее укрепление государственно-гражданской компоненты идентичности представляется возможным решением на пути преодоления этих трудностей. Вместе с этим нужно отметить, что продемонстрированное нами состояние баланса между другими видами идентичности жителей регионов Сибири является благоприятным как для развития личности, так и для общества в целом. Также важно, что сравнительный анализ данных между регионами показал схожесть структуры социальной идентичности у представителей разных этнических групп Сибири. Это позволяет предположить наличие оснований для полноценного развития межэтнических сообществ в рамках единого национального государства.

Список литературы

1. Аксютин Ю. М., Верещагина Е. А. Специфика трансформации надэтнической составляющей жителей Южной Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37). Ч. 1. С. 21-23.
2. Алаудинов А. А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура // Перспективы науки. 2014. № 9 (60). С. 134-137.
3. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: монография. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.
4. Барсукова Е. Н., Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4 (25). С. 193-196.
5. Богатова О. А. Этнорегиональная и национально-гражданская идентификация в структуре социальной идентичности населения Республики Мордовия // Власть. 2011. № 5. С. 110-115.
6. Вендина О. И. Московская идентичность и идентичность москвичей // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 5. С. 27-39.
7. Волгогонова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских, или Искушение национализмом // Мир России. 2001. № 2. С. 149-166.
8. Денисова Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2010. № 1 (1). С. 82-90.
9. Ерохина Е. А. Этнические границы в межэтническом сообществе (на примере Республики Хакасия) // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 100-103.
10. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования [Электронный ресурс] // Копилка публикаций преподавателей кафедры психологии человека РГПУ им. А. И. Герцена. URL: http://humanpsy.ru/miklyaeva/soc_ident_02 (дата обращения: 16.06.2016).
11. Мухлыникова Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности // Позиция. Философские проблемы науки и техники. 2014. № 8 (8). С. 87-92.
12. Попков Ю. В., Персидская О. А. Сравнительное исследование этносоциальных процессов и этнонациональной политики в регионах Сибири [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2014. № 4 (24). URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_24/7539-popkov-persidskaya.html (дата обращения: 16.06.2016).
13. Санина А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2010. Вып. 4. С. 281-286.
14. **Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири** / под ред. Ю. В. Попкова; ИФПР СО РАН. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.

TYPES OF IDENTITY AMONG ETHNIC GROUPS OF SIBERIA: COMPARING SOCIOLOGICAL RESEARCH FINDINGS

Persidskaya Ol'ga Alekseevna

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
olga_alekseevna@mail.ru*

Evdokimov Aleksei Igorevich

*Khakass State University named after N. F. Katanov
aievdokimov@gmail.com*

The article examines the problem of identifying the hierarchy of social identity types in the mass consciousness of the ethnic groups of Siberia. The paper analyzes the specifics of such types of social identity as national, ethnic, macro-regional, regional-territorial and local ones. Comparing the findings of two sociological researches that were conducted by the employees of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences and Khakass State University named after N. F. Katanov in five regions of Siberia the authors conclude on the dominance of civil identity among the ethnic groups under study.

Key words and phrases: identity; ethnic identity; civil identity; ethnos; Siberia; mass sociological survey.

УДК 316.75

Социологические науки

В статье рассматривается проблема жизненных целей, ценностей и нравственных установок студенческой молодежи. На материалах конкретных социологических исследований, проведенных в разные временные промежутки на одном объекте исследования, прослеживается динамика изменения поведенческих и ценностных установок молодежи. Особое внимание уделено определению влияния существующих в молодежной среде идеальных моделей, образцов для подражания на формирование жизненных целей и стратегий их достижения. Сделан вывод о причинах и факторах, повлиявших на изменение системы ценностей студенческой молодежи.

Ключевые слова и фразы: студенческая молодежь; жизненные приоритеты; ценности; стратегия достижения цели; нравственные нормы.

Петина Татьяна Михайловна, к. филос. н.

*Самарский государственный технический университет
petinovatm@yandex.ru*

ЦЕННОСТИ, ЦЕЛИ И ИДЕАЛЫ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Ценностные ориентации, нравственные установки, образцы поведения молодежи на протяжении более чем десятка лет являются одной из тем общественного дискурса, в который вовлечены как государственные деятели всех уровней власти, так и представители социально-гуманитарного знания – социологи, психологи, культурологи. Современная молодежь (а в особенности студенческая молодежь), в силу обладания большими ресурсами (возрастными, образовательными) и открытостью, активно формирует новое ценностное пространство и является носителем новых идентификационных механизмов, которые будут определять функционирование ценностно-нормативной системы россиян в целом. Именно поэтому актуальность тем, связанных с изменяющимися поведенческими и ценностными установками российской молодежи, делает эти сферы исследования злободневными для отечественной социологической науки и общества в целом. Опираясь на уже имеющийся опыт исследований, можно судить о тех изменениях, которые произошли в ценностных ориентациях молодежи, а также о том, что осваивает современная молодежь в качестве ценностей и общественных норм и как формирует свои жизненные приоритеты [1-4; 8]. При этом следует учитывать, что в стремлении реализовать свои притязания на достойную жизнь, на определенный социальный статус, на успешность в семейной жизни молодые люди оказываются одновременно и наиболее требовательной социальной категорией, и наиболее уязвимой для воздействия со стороны внешних неблагоприятных факторов.

Представленные в статье данные основаны на результатах эмпирического социологического исследования, проведенного под руководством автора в 2016 году на базе Самарского государственного технического университета. Целью исследования являлось определение системы жизненных приоритетов молодежи как модели реализации собственных притязаний в системе социальных взаимодействий, а также путей их достижения. Стратегия исследования заключалась в сравнительном анализе изменения некоторых характеристик объекта исследования с течением времени. Структура исследования была ориентирована на решение двух основных задач. В первой части исследования предполагалось изучение потребностей и настроений молодежи, ее оценок социальной действительности, выявление ценностных ориентаций, взглядов и убеждений респондентов разных возрастных групп. Вторая часть исследования была посвящена анализу влияния